

Ф Р И Д Р И Х Н И Ц Ш Е

Гений, бросивший вызов традиционной философии

ТАК ГОВОРИЛ ЗРАТУСТРА

ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ

И СВОЯ СОБСТВЕННАЯ СУДЬБА



**КНИГА
ДЛЯ ВСЕХ
И НИ ДЛЯ КОГО**

Фридрих Вильгельм Ницше
Так говорил Заратустра.
Книга для всех и ни для кого
Серия «Философия в кармане»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72497932

Так говорил Заратустра : книга для всех и ни для кого / Фридрих Ницше ; [перевод с немецкого Ю. М. Антоновского].: Эксмо; Москва;

2025

ISBN 978-5-04-230604-4

Аннотация

Где граница между тем, кем мы являемся, и тем, кем можем стать?

«Так говорил Заратустра» – одно из самых ярких и глубоких произведений Фридриха Ницше, в котором философия становится искусством, а размышление – путешествием к внутренней свободе. Через образ странствующего пророка Заратустры автор говорит о смысле жизни, одиночестве, свободе и преодолении человека. Здесь появляются ключевые концепции Ницше: сверхчеловек, воля к власти, вечное возвращение. Книга многослойна и наполнена метафорами, которые каждый читатель понимает по-своему.

«Человек – это нечто, что должно превзойти самого себя», – говорит Ницше, приглашая к размышлению и переменам. Это не просто философия – это вызов, вдохновение и путь к себе.

Издание будет интересно как знатокам философии, так и тем, кто только начинает путь к осмыслению человеческого бытия.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От переводчика	6
Предисловие Заратустры	9
О сверхчеловеке и последнем человеке	9
Речи Заратустры	31
Часть первая	31
О трех превращениях	31
О кафедрах добродетели	34
О мечтающих о другом мире	38
О презирующих тело	42
О радостях и страстях	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Фридрих Ницше
Так говорил Заратустра.
Книга для всех
И ни для кого

Серия «Философия в кармане»

Фридрих Ницше

Гений, бросивший вызов традиционной философии

Перевод с немецкого *Ю. М. Антоновского*



© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

От переводчика

На переводе Заратустры подтверждается еще раз старая истина, что все самое простое есть вместе с тем и самое трудное. Книга Ницше написана простым, почти библейским языком, и потому ее перевод представляет чрезвычайную трудность. Недаром в 1898 г., когда впервые появились отрывки моего перевода этой книги в журнале г. Булгакова, один почитатель Ницше сделал в печати мне упрек, что подобную книгу надо переводить лет восемь, тогда как я переводил ее всего один год. И действительно, только в 1907 г., когда я предложил на суд читателей третье издание моего перевода, я мог надеяться, что он удовлетворит наконец требованиям, которым должен отвечать серьезный труд подобного рода. Читатель мог в то время быть уверен, с одной стороны, что теперь перед ним буквальный перевод Заратустры, даже слова по возможности расположены в том же порядке, как у Ницше; с другой – я употребил тогда все старания, чтобы в нем сохранена была внешняя, литературная красота оригинала. Чтобы достичь того и другого одновременно, действительно понадобилось около восьми лет труда; ибо каждое из трех предыдущих моих изданий Заратустры не было простой перепечаткой предшествующего, а совершенно новой переработкой перевода. В этом легко может убедиться всякий, у кого найдется время и охота сличить все четыре издания

моего перевода, сделанные в 1900, 1903, 1907 и 1911 годах. Остались без изменения только страницы стихов, рифмованных и нерифмованных, помещенных в этом, как и в предыдущем издании с разрешения, ныне покойного, А. М. Бобринцева-Пушкина, в его прекрасном переводе.

Считаю необходимым сделать здесь несколько указаний, относящихся к тексту.

Стран. 98, строка 16 сверху: «Все, что не преходит, есть только символ!» в противоположность стихам Гете в конце второй части «Фауста»: «*Alles Vergängliche ist nur ein Gleichniss*». – Стран. 115, строка 2 сверху: тарантелла – Tarantel, означает по-немецки и тарантула, и тарантеллу. – Стран. 146, строка 5 снизу: «многое, чего нельзя описать, осуществлялось там», намек на слова Гете в конце второй части «Фауста»: «*Das Unbeschreibliche, hier ist es gethan*». – Стран. 203, строка 18 сверху: мрачные завистники – *Neidbolde und Leidholde*. – Стран. 205, строка 10 снизу: ...дух превратился здесь в простую игру слов? – *Wortspiel, Wort-Spülicht* (вся эта глава полна игрою слов, в большинстве случаев непереводимой). – Стран. 206, строка 13 сверху: игра словами *Mond* (месяц) и *Mondkalb* (нарост). – Стран. 240, строка 7 снизу: игра словами *rein* (чистый) и *Schwein* (свинья). – Стран. 244, строка 18 сверху: «гнилая леность» – *Eoulheit, faulig* (*faul* означает ленивый и гнилой). – Стран. 249, строка 14 снизу: игра словами *Eheschliessen* (заключение брака) и *Ehebrechen* (разрыв

его, прелюбодеяние). – Стран. 249, строка 8 снизу: «я нарушила брак» – *Ehebrechen* (совершить прелюбодеяние) и *durch die Ehe gebrochen* (разбитый браком). – Стран. 259, строка 4 снизу: игра словами *besser* (лучше) и *böser* (злее). – Стран. 281, строка 2 снизу: *Pech* (смола) означает фигурально: несчастье, беда. – Стран. 283, строка 14 снизу: игра словами *Gründling* (пескарь) и *Abgrund* (бездна, глубина). – Стран. 322, строка 8 снизу: игра словами *Suchen nach meinem Heim* (искать своего дома) и *Heimsuchung* (наказание). – Стран. 350, строка 1 сверху: игра словами: *Distelkopf* (головка чертополоха) и *Tiftelkopf* (сумасбродная голова). – Стран. 350, строка 8, сверху: игра словами *Schwarzsichtig* (кто видит лишь черное) и *Schwärsüchtig* (покрытый язвами).

Предисловие Заратустры

О сверхчеловеке и последнем человеке

1

Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, покинул он свою родину и озеро своей родины и пошел в горы. Здесь наслаждался он своим духом и своим одиночеством и в течение десяти лет не утомлялся счастьем своим. Но наконец изменилось сердце его – и в одно утро поднялся он с зарею, стал перед солнцем и так говорил к нему:

«Великое светило! К чему свелось бы твоё счастье, если б не было у тебя тех, кому ты светишь!

В течение десяти лет подымалось ты над моей пещерой: ты пресытилось бы своим светом и этой дорогою, если б не было меня, моего орла и моей змеи.

Но мы каждое утро поджидали тебя, принимали от тебя избыток твой и благословляли тебя.

Взгляни! Я пресытился своей мудростью, как пчела, собравшая слишком много меду; мне нужны руки, простертые

ко мне.

Я хотел бы одарять и наделять до тех пор, пока мудрые среди людей не стали бы опять радоваться безумству своему, а бедные – богатству своему.

Для этого я должен спуститься вниз: как делаешь ты каждый вечер, окунаясь в море и неся свет свой на другую сторону мира, ты, богатейшее светило!

Я должен, подобно тебе, закатиться, как называют это люди, к которым хочу я спуститься.

Так благослови же меня, ты, спокойное око, без зависти взирающее даже на чрезмерно большое счастье!

Благослови чашу, готовую пролиться, чтобы золотистая влага текла из нее и несла всюду отблеск твоей отрады!

Взгляни, эта чаша хочет опять стать пустою, и Заратустра хочет опять стать человеком».

Так начался закат Заратустры.

2

Заратустра спустился один с горы, и никто не повстречался ему. Но когда вошел он в лес, перед ним неожиданно предстал старец, покинувший свою священную хижину, чтобы поискать кореньев в лесу. И так говорил старец Заратустре:

«Мне не чужд этот странник: несколько лет тому назад проходил он здесь. Заратустрой назывался он; но он изме-

нился.

Тогда нес ты свой прах на гору; неужели теперь хочешь ты нести свой огонь в долины? Неужели не боишься ты кары поджигателю?

Да, я узнаю Заратустру. Чист взор его, и на устах его нет отвращения. Не потому ли и идет он, точно танцует?

Заратустра изменился, ребенком стал Заратустра, Заратустра проснулся: чего же хочешь ты среди спящих?

Как на море, жил ты в одиночестве, и море носило тебя. Увы! ты хочешь выйти на сушу? Ты хочешь снова сам таскать свое тело?»

Заратустра отвечал: «Я люблю людей».

«Разве не потому, – сказал святой, – ушел и я в лес и пустыню? Разве не потому, что и я слишком любил людей?

Теперь люблю я бога: людей не люблю я. Человек для меня слишком несовершенен. Любовь к человеку убила бы меня».

Заратустра отвечал: «Что говорил я о любви! Я несу людям дар».

«Не давай им ничего, – сказал святой. – Лучшеними с ними что-нибудь и неси вместе с ними – это будет для них всего лучше, если только это лучше и для тебя!

И если ты хочешь им дать, дай им не больше милостыни и еще заставь их просить ее у тебя!»

«Нет, – отвечал Заратустра, – я не даю милостыни. Для этого я недостаточно беден».

Святой стал смеяться над Заратустрой и так говорил: «То-

гда постарайся, чтоб они приняли твои сокровища!

Они недоверчивы к отшельникам и не верят, что мы приходим, чтобы дарить.

Наши шаги по улицам звучат для них слишком одиноко. И если они ночью, в своих кроватях, услышат человека, идущего задолго до восхода солнца, они спрашивают себя: куда крадется этот вор?

Не ходи же к людям и оставайся в лесу! Иди лучше к зверям! Почему не хочешь ты быть, как я, – медведем среди медведей, птицею среди птиц?»

«А что делает святой в лесу?» – спросил Заратустра.

Святой отвечал: «Я слагаю песни и пою их; и, когда я слагаю песни, я смеюсь, плачу и бормочу себе в бороду: так славлю я бога.

Пением, плачем, смехом и бормотаньем славлю я бога, моего бога. Но скажи, что несешь ты нам в дар?»

Услышав эти слова, Заратустра поклонился святому и сказал: «Что мог бы я дать вам! Позвольте мне скорее уйти, чтоб чего-нибудь я не взял у вас!» – Так разошлись они в разные стороны, старец и человек, и каждый смеялся, как смеются дети.

Но когда Заратустра остался один, говорил он так в сердце своем: «Возможно ли это! Этот святой старец в своем лесу еще не слышал о том, что бог умер!»

Придя в ближайший город, лежавший за лесом, Заратустра нашел там множество народа, собравшегося на базарной площади: ибо ему обещано было зрелище – плясун на канате. И Заратустра говорил так к народу:

«Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтоб превзойти его?

Все существа до сих пор создали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?

Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором.

Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяною, и даже теперь еще человек больше обезьяна, чем иная из обезьян.

Даже мудрейший среди вас есть только негармоничная, колеблющаяся форма между растением и призраком. Но разве я велю вам стать призраком или растением?

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке!

Сверхчеловек – смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли!

Я заклинаю вас, мои братья, оставайтесь верны земле и не

верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах!

Они отравители, все равно, знают ли они это или нет.

Они презирают жизнь, эти умирающие и сами себя отравившие, от которых устала земля: пусть погибнут они!

Прежде хула на бога была величайшей хулой; но бог умер, и вместе с ним умерли и эти хулители. Теперь хулить землю – самое ужасное преступление, так же как чтить сущность непостижимого выше, чем смысл земли!

Некогда смотрела душа на тело с презрением: и тогда не было ничего выше, чем это презрение, – она хотела видеть тело тощим, отвратительным и голодным. Так думала она бежать от тела и от земли.

О, эта душа сама была еще тощей, отвратительной и голодной, и жестокость была наслаждением этой души!

Но и теперь еще, братья мои, скажите мне: что говорит ваше тело о вашей душе? Разве ваша душа не есть бедность и грязь и жалкое довольство собою?

Поистине, человек – это грязный поток. Надо быть морем, чтоб принять в себя грязный поток и не сделаться нечистым.

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он – это море, где может потонуть ваше великое презрение.

В чем то самое высокое, что можете вы пережить? Это – час великого презрения. Час, когда ваше счастье становится для вас отвратительным, так же как ваш разум и ваша добродетель.

Час, когда вы говорите: “В чем мое счастье! Оно – бед-

ность и грязь и жалкое довольство собою. Мое счастье должно бы было оправдывать само существование!”

Час, когда вы говорите: “В чем мой разум! Добивается ли он знания, как лев своей пищи? Он – бедность и грязь и жалкое довольство собою!”

Час, когда вы говорите: “В чем моя добродетель! Она еще не заставила меня безумствовать. Как устал я от добра моего и от зла моего! Все это бедность и грязь и жалкое довольство собою!”

Час, когда вы говорите: “В чем моя справедливость! Я не вижу, чтобы был я пламенем и углем. А справедливый – это пламень и уголь!”

Час, когда вы говорите: “В чем моя жалость! Разве жалость – не крест, к которому пригвождается каждый, кто любит людей? Но моя жалость не есть распятие”.

Говорили ли вы уже так? Восклицали ли вы уже так? Ах, если бы я уже слышал вас так восклицающими!

Не ваш грех – ваше самодовольство вопиет к небу; ничтожество ваших грехов вопиет к небу.

Но где же та молния, что лизнет вас своим языком? Где то безумие, что надо бы привить вам?

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он – эта молния, он – это безумие!»

Пока Заратустра так говорил, кто-то крикнул из толпы: «Мы слышали уже довольно о канатном плясуне; пусть нам покажут его!» И весь народ начал смеяться над Заратустрой.

А канатный плясун, подумав, что эти слова относятся к нему, принялся за свое дело.

4

Заратустра же глядел на народ и удивлялся. Потом он так говорил:

«Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью.

Опасно прохождение, опасно остаться в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка.

В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и уничтожение.

Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтоб погибнуть, ибо идут они по мосту.

Я люблю великих ненавистников, ибо они великие почитатели и стрелы желания другого берега.

Я люблю тех, кто не ищет за звездами основания, чтоб погибнуть и сделаться жертвою, а приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала землею сверхчеловека.

Я люблю того, кто живет для познания и кто хочет познать для того, чтоб некогда жил сверхчеловек. Ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто трудится и изобретает, чтоб построить жилище для сверхчеловека и приготовить к приходу его на землю животных и растения: ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто любит свою добродетель: ибо добродетель есть воля к гибели и стрела желания другого берега.

Я люблю того, кто не бережет для себя ни капли духа, но хочет всецело быть духом своей добродетели: ибо так, подобно духу, проходит он по мосту.

Я люблю того, кто из своей добродетели делает свое тяготение и свою судьбу: ибо так хочет он ради своей добродетели еще жить и не жить более.

Я люблю того, кто не хочет иметь слишком много добродетелей. Одна добродетель есть больше добродетель, чем две, ибо она больше тот узел, на котором держится судьба.

Я люблю того, чья душа расходуется, кто не хочет благодарности и не оказывает ее: ибо он постоянно дарит и не хочет беречь себя.

Я люблю того, кто стыдится, когда счастливая игра выпадает на долю его, и кто тогда спрашивает: “неужели я игрок-обманщик?” – ибо он хочет гибели.

Я люблю того, кто бросает золотые слова впереди своих дел и исполняет всегда еще больше, чем обещает: ибо он хочет своей гибели.

Я люблю того, кто оправдывает людей будущего и избавляет людей прошлого: ибо он хочет гибели от людей настоящего.

Я люблю того, кто строг к своему богу, так как он любит своего бога: ибо он должен погибнуть от гнева своего бога.

Я люблю того, чья душа глубока даже в ранах и кто может

погибнуть при малейшем испытании: так охотно идет он по мосту.

Я люблю того, чья душа переполнена, так что он забывает самого себя, и все вещи содержатся в нем: так становятся все вещи его гибелью.

Я люблю того, кто свободен духом и свободен сердцем: так голова его есть только внутренность сердца его, а сердце его влечет его к гибели.

Я люблю всех тех, кто является тяжелыми каплями, падающими одна за другой из темной тучи, нависшей над человечеством: “Молния приближается”, – возвещают они и гибнут как провозвестники.

Смотрите, я провозвестник молнии и тяжелая капля из тучи; но эта молния называется сверхчеловек».

5

Произнесши эти слова, Заратустра снова посмотрел на народ и умолк. «Вот стоят они, – говорил он в сердце своем, – вот смеются они: они не понимают меня, мои речи не для этих ушей».

Неужели нужно сперва разодрать им уши, чтоб научились они слушать глазами? Неужели надо греметь, как литавры и как проповедники покаяния? Или верят они только заикающемуся?

У них есть нечто, чем гордятся они. Но как называют они

то, что делает их гордыми? Они называют это культурою, она отличает их от пастухов.

Поэтому не любят они слышать о себе слово “презрение”. Буду же говорить я к их гордости.

Буду же говорить я им о самом презренном существе, а это и есть последний человек».

И так говорил Заратустра к народу:

«Наступает время, что человек поставит себе цель свою. Наступает время, что человек посадит зерно высшей надежды своей.

Его почва еще достаточно богата для этого. Но эта почва будет некогда бедной и бесплодной, и ни одно высокое дерево не будет больше расти на ней.

Горе! Приближается время, когда человек не пустит более стрелы желания своего выше человека и тетива лука его разучится дрожать!

Я говорю вам: нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас есть еще хаос.

Горе! Приближается время, когда человек не родит больше звезды. Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя.

Смотрите! Я показываю вам, последнего человека.

“Что такое любовь? Что такое творчество? Устремление? Что такое звезда?” – так вопрошает последний человек и моргает.

Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким. Его род неистребим, как земляная блоха; последний человек живет дольше всех.

“Счастье найдено нами”, – говорят последние люди и моргают.

Они покинули страны, где было холодно жить: ибо им необходимо тепло. Также любят они соседа и жмутся к нему: ибо им необходимо тепло.

Захворать или быть недоверчивым считается у них грехом: ибо ходят они осмотрительно. Одни безумцы еще спотыкаются о камни или о людей!

От времени до времени немного яду: это вызывает приятные сны. А в конце побольше яду, чтобы приятно умереть.

Они еще трудятся, ибо труд – развлечение. Но они заботятся, чтобы развлечение не утомляло их.

Не будет более ни бедных, ни богатых: то и другое слишком хлопотливо. И кто захотел бы еще управлять? И кто повиноваться? То и другое слишком хлопотливо.

Нет пастыря, одно лишь стадо! Каждый желает равенства, все равны: кто чувствует иначе, тот добровольно идет в сумасшедший дом.

“Прежде весь мир был сумасшедший”, – говорят самые умные из них и моргают.

Все умны и знают всё, что было; так что можно смеяться без конца. Они еще ссорятся, но скоро мирятся – иначе это расстраивало бы желудок.

У них есть свое маленькое удовольствие для дня и свое маленькое удовольствие для ночи; но здоровье – выше всего.

“Счастье найдено нами”, – говорят последние люди и умирают».

Здесь окончилась первая речь Заратустры, называемая также «Предисловием», ибо на этом месте его прервали крик и радость толпы. «Дай нам этого последнего человека, о Заратустра, – так восклицали они, – сделай нас похожими на этих последних людей! И мы подарим тебе сверхчеловека!» И весь народ радовался и щелкал языком. Но Заратустра стал печален и сказал в сердце своем:

«Они не понимают меня: мои речи не для этих ушей.

Очевидно, я слишком долго жил на горе, слишком часто слушал ручьи и деревья: теперь я говорю им, как пастухам.

Непреклонна душа моя и светла, как горы утренней порою. Но они думают, что холоден я и что смеюсь я ужасными шутками.

И вот они смотрят на меня и смеются, и, смеясь, они еще ненавидят меня. Лед в смехе их».

6

Но тут случилось нечто, что сделало уста всех немыми и взоры неподвижными. Ибо тем временем канатный плясун начал свое дело: он вышел из маленькой двери и пошел по канату, протянутому между двумя башнями и висевшему

над базарной площадью и народом. Когда он находился посреди своего пути, маленькая дверь вторично отворилась, и детина, пестро одетый, как паяц, выскочил из нее и быстрыми шагами пошел вослед первому. «Вперед, хромоногий, – кричал он своим страшным голосом, – вперед, ленивая скотина, контрабандист, набеленная рожа! Смотри, чтоб я не пощекотал тебя своею пяткою! Что делаешь ты здесь между башнями? Ты вышел из башни; туда бы и следовало запереть тебя, ты загораживаешь дорогу тому, кто лучше тебя!» – И с каждым словом он все приближался к нему – и когда был уже на расстоянии одного только шага от него, случилось нечто ужасное, что сделало уста всех немыми и взор неподвижным: он испустил дьявольский крик и прыгнул через того, кто загородил ему дорогу. Но этот, увидев, что его соперник побеждает его, потерял голову и канат; он бросил свой шест и сам еще быстрее, чем шест, полетел вниз, как какой-то вихрь из рук и ног. Базарная площадь и народ походили на море, когда проносится буря: все в смятении бежали в разные стороны, большею частью туда, где должно было упасть тело.

Но Заратустра оставался на месте, и прямо возле него упало тело, изодранное и разбитое, но еще не мертвое. Немного спустя к раненому вернулось сознание, и он увидел Заратустру, стоявшего возле него на коленях. «Что ты тут делаешь? – сказал он наконец. – Я давно знал, что черт подставит мне ногу. Теперь он тащит меня в преисподнюю; не хочешь ли ты помешать ему?»

«Клянусь честью, друг, – отвечал Заратустра, – не существует ничего, о чем ты говоришь: нет ни черта, ни преисподней. Твоя душа умрет еще скорее, чем твое тело: не бойся же ничего!»

Человек посмотрел на него с недоверием. «Если ты говоришь правду, – сказал он, – то, теряя жизнь, я ничего не теряю. Я немного больше животного, которого ударами и голодом научили плясать».

«Не совсем так, – сказал Заратустра, – ты из опасности сделал себе ремесло, а за это нельзя презирать. Теперь ты гибнешь от своего ремесла; за это я хочу похоронить тебя своими руками».

На эти слова Заратустры умирающий ничего не ответил; он только пошевелил рукою, как бы ища в благодарность руки Заратустры.

7

Тем временем наступил вечер, и базарная площадь скрылась во мраке; тогда рассеялся и народ, ибо устают даже любопытство и страх. Но Заратустра продолжал сидеть на земле возле мертвого и был погружен в свои мысли: так забыл он о времени. Наконец наступила ночь, и холодный ветер подул на одинокого. Тогда поднялся Заратустра и сказал в сердце своем:

«Поистине, прекрасный улов был сегодня у Заратустры.

Он не поймал человека, зато труп поймал он.

Беспокойно человеческое существование и к тому же лишено всегда смысла: паяц может стать уделом его.

Я хочу учить людей смыслу их бытия: этот смысл есть сверхчеловек, молния из темной тучи, называемой человеком.

Но я еще далек от них, и моя мысль не говорит их мыслям. Для людей я еще середина между безумцем и трупом.

Темна ночь, темны пути Заратустры. Идем, холодный, недвижимый товарищ! Я несу тебя туда, где я похороню тебя своими руками».

8

Сказав это в сердце своем, Заратустра взял труп себе на спину и пустился в путь. Но не успел он пройти и ста шагов, как человек подкрался к нему и стал шептать ему на ухо. Тот, кто говорил, был паяц с башни. «Уходи из этого города, о Заратустра, – говорил он, – слишком многие ненавидят тебя здесь. Ненавидят тебя добрые и праведные, и они зовут тебя своим врагом и ненавистником; ненавидят тебя правверные, и они зовут тебя опасным для толпы. Счастье твое, что смеялись над тобою: и поистине, ты говорил, как шут. Счастье твое, что ты пристал к мертвой собаке; унизившись так, ты спас себя на сегодня. Но уходи прочь из этого города – или завтра я перепрыгну через тебя, живой через мерт-

вого». И, сказав это, человек исчез; а Заратустра продолжал свой путь по темным улицам.

У ворот города повстречались ему могильщики; они факелом посветили ему в лицо, узнали Заратустру и много издевались над ним. «Заратустра уносит с собой мертвую собаку: браво, Заратустра обратился в могильщика! Ибо наши руки слишком чисты для этой поживы. Не хочет ли Заратустра украсть у черта его кусок? Ну так и быть! Желаем хорошо поужинать! Если только черт не лучший еще вор, чем Заратустра! – Он украдет их обоих, он съест их обоих!» И они смеялись и перешептывались между собой.

Заратустра не сказал на это ни слова и шел своей дорогой. Он шел два часа по лесам и болотам и очень часто слышал голодный вой волков; наконец и на него напал голод. Он остановился перед уединенным домом, в котором горел свет.

«Голод нападает на меня, как разбойник, – сказал Заратустра. – В лесах и болотах нападает на меня голод мой и в глубокую ночь.

Удивительные капризы у моего голода. Часто наступает он у меня только после обеда, и сегодня целый день я не чувствовал его: где же замешкался он?»

И с этими словами Заратустра постучался в дверь дома. Появился старик; он нес свет и спросил: «Кто идет ко мне и нарушает мой скверный сон?»

«Живой и мертвый, – отвечал Заратустра. – Дайте мне поесть и попить; днем я забыл об этом. Тот, кто кормит голод-

ного, насыщает свою собственную душу: так говорит мудрость».

Старик ушел, но тотчас вернулся и предложил Заратустре хлеб и вино. «Здесь плохая сторона для голодающих, – сказал он, – поэтому я и живу здесь. Зверь и человек приходят ко мне, отшельнику. Но позови же своего товарища поесть и попить, он устал еще больше, чем ты». Заратустра отвечал: «Мертв мой товарищ, было бы трудно уговорить его поесть». – «Это меня не касается, – ворча произнес старик, – кто стучится в мою дверь, должен принимать то, что я ему предлагаю. Ешьте и будьте здоровы!»

После этого Заратустра шел еще два часа, доверяясь дороге и свету звезд: ибо он был привычный ночной ходок и любил всему спящему смотреть в лицо. Но когда стало светать, Заратустра очутился в глубоком лесу, и дальше уже не было видно дороги. Тогда он положил мертвого в дупло дерева на высоте своей головы – ибо он хотел защищать его от волков – и сам лег на землю, на мох. И тотчас уснул он, усталый телом, но с непреклонною душою.

9

Долго спал Заратустра, и не только утренняя заря, но и полдень прошли по лицу его. Но наконец он открыл глаза: с удивлением посмотрел Заратустра на лес и тишину, с удивлением заглянул он внутрь самого себя. Потом он быстро

поднялся, как моряк, завидевший внезапно землю, и возликовал: ибо он увидел новую истину. И так говорил он тогда в сердце своем:

«Свет низошел на меня: мне нужны последователи, и при том живые, – не мертвые последователи и не трупы, которых ношу я с собою, куда я хочу.

Мне нужны живые последователи, которые следуют за мною, потому что хотят следовать сами за собой – и туда, куда я хочу.

Свет низошел на меня: не к народу должен говорить Заратустра, а к последователям! Заратустра не должен быть пастухом и собакою стада!

Сманить многих из стада – для этого пришел я. Негодовать будет на меня народ и стадо: разбойником хочет называться Заратустра у пастухов.

Пастухи, говорю я, но они называют себя добрыми и праведными. Пастухи, говорю я, но они называют себя правоверными.

Посмотрите на добрых и праведных! Кого ненавидят они больше всего? Того, кто разбивает их скрижали ценностей, разрушителя, преступника – но это и есть созидающий.

Посмотрите на правоверных! Кого ненавидят они больше всего? Того, кто разбивает их скрижали ценностей, разрушителя, преступника – но это и есть созидающий.

Последователей ищет созидающий, а не трупов, а также не стад и не правоверных. Созидающих так же, как он, ищет

созидающий, тех, что пишут новые ценности на новых скрижалях.

Последователей ищет созидающий и тех, кто собирал бы жатву вместе с ним: ибо все созрело у него для жатвы. Но ему недостает сотни серпов; поэтому он вырывает колосья и негодует.

Последователей ищет созидающий и тех, кто умеет точить свои серпы. Разрушителями будут называться они и ненавистниками добрых и злых. Но они соберут жатву и будут праздновать.

Созидающих вместе с ним ищет Заратустра, собирающих жатву и празднующих вместе с ним ищет Заратустра: что стал бы он создавать со стадами, пастухами и трупами!

И ты, мой первый последователь, прощай! Хорошо схоронил я тебя в дупле дерева, хорошо спрятал я тебя от волков.

Но я расстаюсь с тобою, ибо время прошло. От зари до зари осенила меня новая истина.

Ни пастухом, ни могильщиком не должен я быть. Никогда больше не буду я говорить к народу: последний раз говорил я к мертвому.

К созидающим, собирающим жатву и празднующим хочу я присоединиться: радугу хочу я показать им и все ступени, ведущие к сверхчеловеку.

Отшельникам буду я петь свою песню и тем, кто живет вдвоем; и у кого есть еще уши, чтоб слышать неслыханное, тому хочу я обременить его сердце счастьем своим.

Я стремлюсь к своей цели, я иду своей дорогой; через медлительных и нерадивых перепрыгну я. Пусть будет мой путь их гибелью!»

10

Так говорил Заратустра в сердце своем, а солнце стало уже на полдень; тогда он вопросительно взглянул на небо – ибо услышал над собою резкий крик птицы. И он увидел орла: описывая широкие круги, несся тот в воздухе, а с ним – змея, но не в виде добычи, а как подруга: ибо она обвила своими кольцами шею его.

«Это мои звери!» – сказал Заратустра и обрадовался в сердце своем.

«Самое гордое животное, какое есть под солнцем, и животное самое умное, какое есть под солнцем, – они отправились на разведку.

Они хотят знать, жив ли еще Заратустра. И поистине, жив ли я еще?

Опаснее оказалось быть среди людей, чем среди зверей, опасными путями ходит Заратустра. Пусть же ведут меня мои звери!»

Сказав это, Заратустра вспомнил слова святого в лесу, вздохнул и говорил так в сердце своем:

«Если б я мог стать мудрее! Если б я мог стать мудрым вполне, как змея моя!

Но невозможного хочу я: попрошу же я свою гордость идти всегда вместе с моей мудростью!

И если когда-нибудь моя мудрость покинет меня – ах, она любит улетать! – пусть тогда моя гордость улетит вместе с моим безумием!»

Так начался закат Заратустры.

Речи Заратустры

Часть первая

О трех превращениях

«Три превращения духа называю я вам: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев.

Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, который способен к глубокому почитанию: ко всему тяжелому и самому трудному стремится сила его.

Что есть тяжесть? – так вопрошает выносливый дух, становится, как верблюд, на колени и хочет, чтоб хорошенько навьючили его.

Что есть самое трудное? – так вопрошает выносливый дух; скажите, герои, чтобы взял я это на себя и радовался силе своей.

Не значит ли это: унизиться, чтобы заставить страдать свое высокомерие? Заставить блистать свое безумие, чтобы осмеять свою мудрость?

Или это значит: бежать от нашего дела, когда оно празднует свою победу? Подняться на высокие горы, чтобы иску-

сильного искушения?

Или это значит: питаться желудями и травой познания и ради истины терпеть голод души?

Или это значит: больным быть и отослать утешителей и заключить дружбу с глухими, которые никогда не слышат, чего ты хочешь?

Или это значит: опуститься в грязную воду, если это вода истины, и не гнать от себя холодных лягушек и теплых жаб?

Или это значит: тех любить, кто нас презирает, и простирать руку привидению, когда оно хочет пугать нас?

Все самое трудное берет на себя выносливый дух: подобно навьюченному верблюду, который спешит в пустыню, спешит и он в свою пустыню.

Но в самой уединенной пустыне совершается второе превращение: здесь львом становится дух, свободу хочет он себе завоевать и господином быть в своей собственной пустыне.

Своего последнего господина ищет он здесь: врагом хочет он стать ему и своему последнему богу, из-за победы он хочет бороться с великим драконом.

Кто же этот великий дракон, которого дух не хочет более называть господином и богом? “Ты должен” называется великий дракон. Но дух льва говорит “я хочу”.

Чешуйчатый зверь “ты должен”, искрясь золотыми искрами, лежит у него на дороге, и на каждой чешуе его блестит, как золото, “ты должен!”

Тысячелетние ценности блестят на этих чешуях, и так го-

ворит сильнейший из всех драконов: “Ценности всех вещей блестят на мне”.

“Все ценности уже созданы, и каждая созданная ценность – это я. Поистине, “я хочу” не должно более существовать!” Так говорит дракон.

Братья мои, к чему нужен лев в человеческом духе? Чему не удовлетворяет подъяремный зверь, воздержный и почтительный?

Создавать новые ценности – этого не может еще лев; но создать себе свободу для нового созидания – это может достичь сила льва.

Завоевать себе свободу и священное “нет” даже перед долгом – для этого, братья мои, нужно стать львом.

Завоевать себе право для новых ценностей – это самое страшное завоевание для духа выносливого и почтительного. Поистине, оно кажется ему грабежом и делом хищного зверя.

Как свою святыню, любил он когда-то “ты должен”; теперь ему надо видеть даже в этой святыне произвол и мечту, чтобы завоевать себе свободу от любви своей: нужно стать львом для этой победы.

Но скажите, братья мои, что может сделать ребенок, чего не мог бы даже лев? Почему хищный лев должен стать еще ребенком?

Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое сло-

во утверждения.

Да, для игры созидания, братья мои, нужно святое слово утверждения: своей воли хочет теперь дух, свой мир находит отрешившийся от него.

Три превращения духа назвал я вам: как дух стал верблюдом, львом верблюд и, наконец, лев ребенком».

Так говорил Заратустра. В тот раз остановился он в городе, названном Пестрая Корова.

О кафедрах добродетели

Заратустре хвалили одного мудреца, который умел хорошо говорить о сне и о добродетели; за это его высоко чтили и награждали, и все юноши садились перед кафедрой его. К нему пошел Заратустра и вместе со всеми юношами сел перед кафедрой его. И так говорил мудрец:

«Честь и стыд перед сном! Это первое! И избегайте встречи с теми, кто плохо спит и бодрствует ночью!

Стыдлив и вор в присутствии сна: потихоньку крадется он в ночи. Но нет стыда у ночного сторожа, не стыдясь, трубит он в свой рог.

Уметь спать – не пустячное дело: чтоб хорошо спать, надо бодрствовать в течение целого дня.

Десять раз должен ты днем преодолеть самого себя: это даст хорошую усталость, это мак души.

Десять раз должен ты мириться с самим собою: ибо пре-

одоление есть обида, и дурно спит непомирившийся.

Десять истин должен найти ты в течение дня: иначе ты будешь и ночью искать истины и твоя душа останется голодной.

Десять раз должен ты смеяться в течение дня и быть веселым: иначе будет тебя ночью беспокоить желудок, этот отец скорби.

Немногие знают это; но надо обладать всеми добродетелями, чтоб спать хорошо. Не дал ли я ложного свидетельства? Не нарушил ли я супружеской верности?

Не позволил ли я себе пожелать рабыни ближнего моего? Все это мешало бы хорошему сну.

И даже при существовании всех добродетелей надо еще понимать одно: уметь вовремя послать спать все добродетели.

Чтоб не ссорились между собой эти милые женщины! И из-за тебя также, несчастный!

Живи в мире с богом и соседом: этого требует хороший сон. И живи также в мире с соседским чертом! Иначе ночью он будет посещать тебя.

Чти начальство и повинуйся ему, даже хромому начальству! Этого требует хороший сон. Разве моя вина, если начальство любит ходить на хромых ногах?

Тот, по-моему, лучший пастух, кто пасет своих овец на тучных лугах: этого требует хороший сон.

Я не хочу ни больших почестей, ни больших сокровищ: то и другое раздражает селезенку. Однако дурно спится без

доброе имени и малых сокровищ.

Маленькое общество для меня предпочтительнее, чем злое; но и оно должно приходить и уходить вовремя. Этого требует хороший сон.

Мне также очень нравятся нищие духом: они способствуют сну. Блаженны они, особенно если всегда воздают им должное.

Так проходит день у добродетельного. Но когда наступает ночь, я остерегаюсь, конечно, призывать сон! Он не хочет, чтобы его призывали – его, который есть господин всех добродетелей!

Но я размышляю, что я сделал и о чем я думал в течение дня. Пережевывая, спрашиваю я себя терпеливо, как корова: каковы, однако, были твои десять преодолений?

И каковы были те десять примирений, десять истин и десять случаев смеха, которыми мое сердце радовало себя?

При таком обсуждении и взвешивании сорока мыслей нападает на меня сразу сон незванный, господин всех добродетелей.

Сон ударяет мне по глазам – и они тяжелеют. Сон касается уст моих, и они остаются отверстыми.

Поистине тихими шагами приходит он ко мне, лучший из воров, и похищает у меня мои мысли: глупым стою я тогда, как эта кафедра.

Но недолго стою я в таком положении: затем я уже лежу».

Слушая эти речи мудреца, Заратустра смеялся в сердце

своём: ибо свет низошел на него. И так говорил он в сердце своём:

«Безумцем кажется мне этот мудрец со своими сорока мыслями; но я верю, что хорошо ему спится.

Счастлив уже и тот, кто живет вблизи этого мудреца! Такой сон заразителен; даже сквозь толстую стену заразителен он.

Сами чары живут в его кафедре. И не напрасно сидели юноши перед проповедником добродетели.

Его мудрость гласит: так бодрствовать, чтобы сон был спокойный. И поистине, если б жизнь не имела смысла и я должен был бы выбрать бессмыслицу, то эта бессмыслица казалась бы мне наиболее достойной избрания.

Теперь я понимаю ясно, чего некогда искали прежде всего, когда искали учителей добродетели.

Хорошего сна искали себе и увенчанной маками добродетели!

Для всех этих прославленных мудрецов кафедры мудрость была сном без сновидений: они не знали лучшего смысла жизни.

И теперь еще встречаются люди, похожие на этого проповедника добродетели, не всегда, однако, такие же честные, но их время прошло. И недолго стоять им, как уже будут они лежать.

Блаженны сонливые: ибо скоро заснут они».

Так говорил Заратустра.

О мечтающих о другом мире

«Однажды Заратустра направил мечту свою по ту сторону человека, подобно всем мечтающим о другом мире. Актом страдающего и измученного бога показался тогда мне мир.

Сном показался тогда мне мир и поэтическим творением бога: разноцветным дымом пред очами недовольного бога.

Добро и зло, и радость и страдание, и я и ты – все показалось мне разноцветным дымом пред очами творца. Отвратить взор свой от себя захотел творец – и тогда создал он мир.

Опьяняющей радостью служит для страдающего – отвратить взор от страдания своего и забыться. Опьяняющей радостью и самозабвением казался мне некогда мир.

Этот мир, вечно несовершенный, отражение вечного противоречия и несовершенный образ – опьяняющая радость для его несовершенного творца, – таким казался мне некогда мир.

Итак, однажды направил я свою мечту по ту сторону человека, подобно всем мечтающим о другом мире. Правда ли, по ту сторону человека?

Ах, братья мои, этот бог, которого я создал, был человеческим творением и человеческим безумием, подобно всем богам!

Человеком был он, и притом лишь бедной частью челове-

ка и моего я: из моего собственного праха и пламени пришел он, этот призрак! И поистине, не пришел он ко мне из другого мира!

Что же случилось, братья мои? Я преодолел себя, страдающего, я отнес свой собственный прах на гору, более светлое пламя обрел я себе. И вот! Призрак удалился от меня!

Теперь это было бы для меня страданием и мукой для выздоровевшего – верить в подобные призраки; теперь это было бы для меня страданием и унижением. Так говорю я к мечтающим о другом мире.

Страданием и бессилием созданы все другие миры, и тем коротким безумием счастья, которое испытывает только страдающий больше всех.

Усталость, желающая одним скачком, скачком смерти, достигнуть конца, бедная усталость неведения, не желающая больше хотеть: ею созданы все боги и другие миры.

Верьте мне, братья мои! Тело, отчаявшееся в теле, ощупывало пальцами обманутого духа последние стены.

Верьте мне, братья мои! Тело, отчаявшееся в земле, слышало, как говорили недра бытия.

И тогда захотело оно пробиться головою сквозь последние стены, и не только головою, – и перейти в “другой мир”.

Но “другой мир” вполне сокрыт от человека, этот бесчеловеченный нечеловеческий мир, составляющий небесное ничто; и недра бытия не говорят к человеку иначе, как в лице человека.

Поистине, трудно доказать всякое бытие и трудно заставить его говорить. Скажите мне, братья мои, разве самые дивные вещи не доказаны еще самым лучшим образом?

Да, это *я* и противоречие и сложность *я* говорят самым верным образом о своем бытии, это созидающее, хотящее и оценивающее *я*, которое есть мера и ценность вещей.

И это самое верное бытие, *я* – говорит о теле и стремится к телу, даже когда оно творит и предается мечтам и бьется разбитыми крыльями.

Все вернее научается оно говорить, это *я*; и чем больше оно научается, тем больше находит оно слов, чтоб хвалить тело и землю.

Новой гордости научило меня мое *я*, которой учу я людей: не прятать больше головы в песок небесных вещей, а гордо держать ее, земную голову, которая создает смысл земли!

Новой воле учу я людей: идти той дорогой, которой слепо шел человек, и хвалить ее, и не уклоняться от нее больше в сторону, подобно больным и умирающим!

Больными и умирающими были те, кто презирал тело и землю и изобрел небо и искупительные капли крови; но даже и эти сладкие и мрачные яды брали они у тела и земли!

Своей нищеты хотели они избежать, а звезды были для них слишком далеки. Тогда вздыхали они: “О, если б существовали небесные пути, чтобы прокрасться в другое бытие и счастье!” – тогда изобрели они свою выдумку и кровавое питье!

Эти неблагодарные – они мечтали, что отрелись от своего тела и от этой земли. Но кому же обязаны они судорогами и блаженством своего отречения? Своему телу и этой земле.

Снисходителен Заратустра к больным. Поистине, он не сердится на их способы утешения и на их неблагодарность. Пусть будут они выздоравливающими и преодолевающими и пусть создадут себе высшее тело!

Не сердится Заратустра и на выздоравливающего, когда он с нежностью взирает на свою мечту и в полночь крадется к могиле своего бога; но болезнью и больным телом остаются для меня его слезы.

Много больного народу встречалось всегда среди тех, кто предается мечтам и томится по боге; яростно ненавидят они познающего и ту самую младшую из добродетелей, которая зовется – правдивость.

Они смотрят всегда назад, в темные времена: тогда поистине мечта и вера были другими вещами, неистовство разума было богоподобием, сомнение грехом.

Слишком хорошо знаю я этих богоподобных: они хотят, чтоб в них верили и чтоб сомнение было грехом. Слишком хорошо знаю я также, во что сами они верят больше всего.

Поистине, не в другие миры и искупительные капли крови, но в тело больше всего верят они, и на свое собственное тело смотрят они как на вещь в себе.

Но болезненной вещью является оно для них – и они охотно ушли бы из кожи. Поэтому они прислушиваются к про-

поведникам смерти и сами проповедают другие миры.

Лучше слушайте, братья мои, голоса здорового тела: это – более правдивый и чистый голос.

Более правдиво и чище говорит здоровое тело, совершенное и с прямыми углами; и оно говорит о смысле земли».

Так говорил Заратустра.

О презирающих тело

«К презирающим тело хочу я сказать мое слово. Не переучиваться и переучивать должны они, но только проститься со своим собственным телом – и таким образом стать немymi.

“Я тело и душа”, – так говорит ребенок. И почему не говорить, как дети?

Но пробудившийся, знающий, говорит: я – тело, только тело, и ничто больше; а душа есть только слово для обозначения чего-то в теле.

Тело – это большой разум, множество с одним сознанием, война и мир, стадо и пастырь.

Орудием твоего тела является также твой маленький разум, брат мой; ты называешь “духом” это маленькое орудие, эту игрушку твоего большого разума.

“Я” – говоришь ты и гордишься этим словом. Но больше его – во что не хочешь ты верить – тело твое с его большим разумом: оно не говорит я, но делает его.

Что чувствует чувство и что познает ум – никогда не имеет в себе своей цели. Но чувство и ум хотели бы убедить тебя, что они цель всех вещей: так тщеславны они.

Орудием и игрушкой являются чувство и ум: за ними лежит еще *само*. *Само* ищет также глазами чувств, оно прислушивается также ушами духа.

Само всегда прислушивается и ищет: оно сравнивает, подчиняет, завоевывает, разрушает. Оно господствует и является даже господином над *я*.

За твоими мыслями и чувствами, брат мой, стоит более могущественный повелитель, неведомый мудрец, – он называется *само*. В твоём теле он живет, он и есть твоё тело.

Больше разума в твоём теле, чем в твоей высшей мудрости. И кто знает, к чему нужна твоему телу твоя высшая мудрость?

Твое *само* смеется над твоим *я* и его гордыми скачками. “Что мне эти скачки и полеты мысли? – говорит оно себе. – Окольный путь к моей цели. Я служу помочами для *я* и внушителем его понятий”.

Само говорит к *я*: “Здесь ощущай боль!” И вот оно страдает и думает о том, как бы больше не страдать, – для этого именно должно оно думать.

Само говорит к *я*: “Здесь чувствуй радость!” И вот оно радуется и думает о том, как бы почаще радоваться, – и для этого именно должно оно думать.

К презирающим тело хочу я сказать слово. То, что прези-

рают они, составляет предмет их любви. Что же создало любовь и презрение и ценность и волю?

Созидающее *само* создало себе любовь и презрение, оно создало себе радость и горе. Созидающее тело создало себе дух как орудие своей воли.

Даже в своем безумии и презрении вы, презирающие тело, вы служите своему *само*. Я говорю вам: ваше *само* хочет умереть и отворачивается от жизни.

Оно уже не в силах делать то, чего оно хочет больше всего, – созидать дальше себя. Этого хочет оно больше всего, в этом все страстное желание его.

Но теперь это стало для него слишком поздно – и вот ваше *само* хочет погибнуть, вы, презирающие тело.

Ваше *само* хочет погибнуть, и потому вы стали презирающими тело! Ибо вы уже больше не в силах созидать дальше себя.

И потому вы негодуете на жизнь и землю. Бессознательная зависть светится в косом взгляде вашего презрения.

Я не следую вашим путем, вы, презирающие тело! Для меня вы не мост, ведущий к сверхчеловеку!»

Так говорил Заратустра.

О радостях и страстях

«Брат мой, если есть у тебя добродетель и она твоя добродетель, то ты не владеешь ею сообща с другими.

Конечно, ты хочешь называть ее по имени и ласкать ее: ты хочешь подергать ее за ушко и позабавиться с нею.

И смотри! Теперь ты обладаешь ее именем сообща с народом, и сам ты с твоей добродетелью стал народом и стадом!

Лучше было бы тебе сказать: “Нет слов, нет названия тому, что составляет муку и сладость моей души, а также мой внутренний голод”.

Пусть твоя добродетель будет слишком высока, чтоб доверить ее имени: и если ты должен говорить о ней, то не стыдись говорить о ней шепотом.

Говори шепотом: “Это мое добро, каким я люблю его, каким оно всецело мне нравится, и лишь таким я хочу его.

Не потому я хочу его, чтобы было оно божественным законом, и не потому я хочу его, чтобы было оно человеческим установлением и человеческой необходимостью: оно не служит мне указателем на небо или в рай.

Только земную добродетель люблю я: в ней мало мудрости и всего меньше разума всех людей.

Но эта птица свила у меня гнездо себе, поэтому я люблю и прижимаю ее к сердцу – теперь на золотых яйцах она сидит у меня”.

Так должен ты говорить шепотом и хвалить свою добродетель.

Некогда были у тебя страсти, и ты называл их злыми. А теперь у тебя только твои добродетели: они выросли из твоих страстей.

Ты положил свою высшую цель в эти страсти: и вот они стали твоей добродетелью и твоей радостью.

И если б ты был из рода вспыльчивых, или из рода сластолюбцев, или изуверов, или людей мстительных:

Все-таки в конце концов все твои страсти обратились бы в добродетели и все твои демоны – в ангелов.

Некогда были дикие псы в твоих недрах, но в конце концов обратились они в птиц и прелестных певуний.

Из своих ядов приготовил ты себе бальзам свой; ты доил корову – скорбь свою, – теперь ты пьешь сладкое молоко ее вымени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.